
**ПОЭЗИЯ НИКОЛАЯ МОРШЕНА
В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ И РОССИИ 1950—2000-х гг.**

А.И. Грищенко

Филологический факультет
Московский государственный педагогический университет
ул. Малая Пироговская, 1, Москва, Россия, 119992

Статья посвящена анализу восприятия творчества Н. Моршена — поэта «второй волны» эмиграции — критиками русского зарубежья и России нескольких поколений (И. Одоевцева, Б. Нарциссов, В. Марков, С. Карлинский, Е. Витковский и др.) и оценке той роли, которую, по их мнению, играло творчество Н. Моршена в литературном процессе 1950—2000 гг.

Николай Николаевич Моршен (1917—2001; настоящая фамилия Марченко) — поэт послевоенной «второй волны» русской эмиграции, до сих малоизвестный на родине. Тем не менее в русском зарубежье (прежде всего в США) Моршен давно считается классиком, а его первые публикации были отмечены таким мэтром русской эмиграции, как Георгий Иванов. В 1950 г. в статье «Поэзия и поэты» («Возрождение», № 10) Иванов пишет о поэзии Д. Кленовского и И. Елагина и, делая упрек критикам, обращает их внимание на Н. Моршена: «...почему-то критики, засыпающие похвалами его более удачливых товарищей — особенно Елагина, — до сих пор, если не ошибаюсь, ни разу не упомянули имя Ник. Моршена, не менее, чем они, заслуживающего внимания. Исправляю, хотя и чересчур кратко, эту несправедливость и приглашаю своих „коллег“ последовать моему примеру» [1. С. 584]. С тех самых пор упоминание Моршена в критических статьях и литературоведческих работах обычно не обходится без сопоставления с Елагиным, которому отводится роль более известного и общепризнанного лидера русской поэзии «второй волны» эмиграции, уступившего затем пальму первенства И. Бродскому [2. С. 32].

Со временем творчество Моршена попало в поле зрения исследователей русской литературы, однако граница между «критиками» и «литературоведами», равно как и между «литературно-критическими» и «литературоведческими» статьями во многом условна, учитывая, что один и тот же автор (например, С. Карлинский) выступал в обеих ролях. Под «зеркалом критики» мы понимаем публикации, посвященные Моршену, которые были опубликованы лишь в литературно-художественной (и общественно-политической) периодике в жанрах рецензии, обзора, эссе и т.п., а также жанром предисловий в сборниках и антологиях. За пределами нашей статьи остаются те работы о творчестве Моршена, которые, хотя и были опубликованы в периодике, по уровню своего обобщения и аналитичности уже выходят за рамки собственно литературной критики: такие статьи, как «Поэзия Николая Моршена» Юрия Линника («Грани», 1994, № 171) или «Чтоб о самом главном — стихами» Лидии Бельской («Новый Жур-

нал» (далее НЖ), 2006, 243), можно относить к литературоведческим работам, поскольку творчество Моршени оценивается в них уже довольно беспристрастно, «с точки зрения вечности», а не в контексте текущего литературного процесса.

По степени «приближения» авторов к поэзии (и личности) Моршени мы разделили все проанализированные нами критические статьи на три группы: 1) работы, целиком посвященные Моршени, 2) обзорные работы, в которых Моршени уделено особое внимание и 3) работы, в которых он только упоминается, но упоминания эти с какой-либо стороны характеризуют его творчество. Всего нами было рассмотрено 57 работ, принадлежащих 34 авторам (с учетом уже не только собственно литературной критики, но и эпистолярного наследия русского зарубежья, мемуаристики, публицистики и т.п.), однако в данной статье остановимся только на первой группе публикаций и только на основных из них.

Первой такой публикацией, что вполне естественно, стало предисловие Владимира Маркова к первой книге стихов поэта «Тюлень» (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1959). Марков писал о том, что имя Моршени, хотя сам поэт «все время стоял в стороне от „литературы“», «выступает как величина постоянная»; стихи Моршени — «это поэзия высокого качества, неподдельной скромности и некрикливой самостоятельности в тематике и выборе художественных средств» (с. 3—4). Марков выделил три основные темы Моршени «тюленьего» периода: это «„страшный мир“ советской действительности <...> главная тема его первой книги» (с. 4), это «ощутимый мир как источник радости для поэта и чуть ли не основа поэзии <...> эта осязаемость сводится к земности, твердости», и «наконец, третья стихия воплощается в неких геометрико-физических образах» (с. 5). Третью тему («стихию») критик выделяет не столько прочтении стихотворений в самом «Тюлене», сколько по прочтении стихов, которые позже войдут в следующую книгу Моршени — «Двоеточие»: по Маркову, это «новая „поэзия мысли“, „научная поэзия“». Наконец критик высказывает мысль, неоднократно оспоренную рецензентами: «Тоска преобладает в стихах Моршени. Однообразная тоска и разнообразная ирония...» (с. 7).

На выход «Тюленя» откликнулись Ирина Одоевцева (НЖ, 1959, № 58), Глеб Струве («Новое русское слово», 01.10.1959) и Лидия Алексеева («Грани», 1959, № 41). Заметка Одоевцевой «О Николае Моршени» стала своеобразным ответом на статью Г. Адамовича «Невозможность поэзии» (1958): благодаря стихам Моршени «судьба русской поэзии не внушает ей ни малейшей тревоги» (с. 116), то есть в творчестве Моршени (как, впрочем, и других поэтов «второй волны») Одоевцева сразу увидела яркую антитезу «парижской ноте». Рецензия Одоевцевой целиком положительна: здесь мелькают слова «смело», «находчиво», «самобытность», «ответственность», «правдивость», наконец, один из абзацев целиком выдержан в панегирическом ключе. В заключение младшая представительница серебряного века ставит «имя Моршени рядом с именем Пастернака <...> Моршен, как и Пастернак, пример того, что русский человек, может даже в „Страшном Мире“ сохранить себя» (с. 121). Для эмигрантских литераторов поколения Одоевцевой и Г. Иванова это было чрезвычайно важно узнать и понять; многие

писатели «первой волны» радостно откликнулись на творческие поиски своих младших товарищей по несчастью, хотя в целом «вопрос взаимодействия художников двух поколений русской эмиграции, тем более творческого влияния мэтров русской литературы на новых эмигрантов, практически не изучен и ждет своих исследователей» [3. С. 384].

Сам же Моршен в интервью, данном Ивану Толстому, описывает историю появления статьи Одоевцевой следующим образом: «Она сказала, что хочет обо мне статью написать, и неплохо, чтобы я ей деньги прислал за это. Я знал, что они бедуют. Деньги я послал. Она спросила, что вы сами думаете о своих стихах. Я был молод и глуп еще. Я что-то сказал, и вот на тех трех или четырех фразах она построила статью, развернув каждую фразу в главу, чтобы доставить мне удовольствие» [4].

Номер «Нового русского слова» со статьей Г. Струве, к сожалению, оказался недоступен нам, поэтому о ее содержании судить мы не можем. А небольшая рецензия Л. Алексеевой «О главном — стихами...», как и заметка Одоевцевой, также восторженна, но несколько сумбурна: для поэтессы довольно традиционного склада, какой и была Алексеева, главное в «Тюлене» — это отсутствие «словесной шелухи» и «глубокомысленного тумана» (с. 252), простота, точность, краткость, а ключевая для ее понимания раннего Моршена строка вынесена в заглавие рецензии. Алексеева, как и Одоевцева, не соглашается с Марковым в оценке творчества Моршена как преимущественно трагического.

На вторую книгу стихов Моршена «Двоеточие» (Вашингтон: Изд-во Русского книжного дела в США, Victor Kamkin, Inc., 1967) вышло пять рецензий: американского профессора Семена Карлинского (он же Simon Karlinsky) (НЖ, 1967, № 88), писателя Якова Горбова, последнего мужа И. Одоевцевой («Возрождение», 1968, № 193), поэтов Игоря Чиннова и Бориса Нарциссова (обе в составе обзоров, посвященных современной эмигрантской поэзии, а потому в данной статье нами не рассматриваются), а также неизвестного нам автора в оказавшемся недоступном номере «Нового русского слова» (17.09.1967).

С. Карлинский, сравнивая новую книгу Моршена с «Тюленем», отмечает, что в ней наблюдаются серьезные сдвиги в художественном мире поэта: ключевым образом этой книги стало «растение, уверенно произрастающее наперекор всему и в самых неподходящих условиях» (с. 297). Преобладает в «Двоеточии» «тема природы, переплетающаяся с темой художественного творчества» (с. 298). Основная заслуга Моршена — в том, что «*стены русской поэзии раздвинулись*» [выделено нами — А.Г.]: в защиту своих взглядов на мир слова и литературного творчества поэт привлекает доказательства из области биологии, физики, кибернетики, таким образом, его поэзия выходит за рамки собственно поэзии, претендуя на точность и доказательность науки. Много в «Двоеточии» и «*метапоэзии*», то есть поэзии о поэзии и языке, так что «доверие к слову, к поэзии» приводит Моршена к «отточенному блеску» и «технической виртуозности», которые, возможно, «прозвучат вызовом традициям эмигрантской поэзии» (с. 299). В конце рецензии Карлинский пишет, что книга «Двоеточие» — «большая творческая

удача поэта» и «событие в русской поэзии». «Будет грустно, — подытоживает рецензент, — если часть зарубежной русской критики, загипнотизированная “всемирным признанием” Вознесенского и Евтушенко, не заметит, какой значительный и глубокий поэт вырос и созрел в эмиграции в лице Николая Моршена». Таким образом, в литературной критике снова проскальзывают нотки возмущения тем несоответствием, которое наблюдается между высотой моршеновской поэзии и не очень пристальным вниманием к ней «части зарубежной русской критики», снова имя Моршена, как и в статье Г. Иванова, встает рядом с именами его «более удачливых товарищей» (в данном случае — просто современников), «засыпанных похвалами».

Выдержанная совсем в иной, импрессионистической, манере рецензия Я. Горбова, большей частью состоящая из цитат, также, хотя и парой слов, не обходит стороной научную проблематику «Двоеточия»: «Рожденный лириком, Моршен широко использовал ресурсы лирики, обратившись к научным, или с наукой соприкасающимся, темам. Его одухотворенность и его любознательность, в сочетании с внутренней потребностью на все смотреть глазами поэта, легли в основание своеобразного и оригинального сборника» (с. 142). Для Горбова самое главное в поэзии Моршена — тема «добытия», «истоков памяти», то есть тема вполне традиционная, тогда как «раздвижение стен русской поэзии», отмеченное Карлинским, Горбова, представителя «первой волны» эмиграции, не волнует, не задает; новый Моршен, уже сложившийся, со «сдвигами», вероятно, остается непонятым старшим поколением литераторов русского зарубежья.

В 1973 г. в «Новом русском слове» (28.10.1973) появляется статья знаменитого эмигрантского критика Владимира Вейдле «Двое других», посвященная творчеству Елагина и Моршена; последнему критик отдал пальму первенства, что, по воспоминаниям Валентины Синкевич, сильно обидело Елагина. «На статью В. Вейдле, — вспоминал Моршен в письме той же Синкевич в ноябре 1998 г., — я отозвался благодарным письмом В.В. <...> А легко ранимый Иван Елагин глубоко обиделся на маститого парижского критика. Он горько жаловался друзьям <...> ему посвящено $\frac{3}{4}$ статьи <...> Я перечитал ее сейчас и все равно не понял, на что Ваня обиделся» [5. С. 86]. Отношение Вейдле к поэзии Елагина, видимо, изначально были прохладными: так, в 1966 г. в письме И. Чиннову он заметил: «Елагин совсем неплох, но как-то я к нему равнодушен» [6. С. 180].

За несколько лет до выхода третьей книги стихов Моршена «Эхо и зеркало (Идееподражание и дееподражание)» (Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1979) появилась первая обобщающая статья о творчестве поэта — «Под знаком дифференциала» Бориса Нарциссова (НЖ, 1976, № 125), который называл ее «статьей-анализом» [6. С. 586]: она была написана уже с учетом тех стихотворений, которые публиковались в основном в «НЖ», а затем вошли в «Эхо и зеркало», что прямо и указано в начале статьи. Основная черта поэзии Моршена, по Нарциссову, — это контрастность, сильная изменчивость почерка, «резкие внешние изменения» от «Тюленя» к «Двоеточию» и от «Двоеточия» к «Эху и зеркалу», о чем свидетельствуют эпиграфы к статье, взятые из трех книг поэта: приведенные

строки могли бы принадлежать и разным авторам, но автор — один, и критик стремится «свести общее, интегральное значение каждого периода творчества Моршена к некоторому основному элементу — дифференциалу — и выяснить — не остается ли этот дифференциал в основном подобным самому себе, лишь принимая более точные формы» (с. 136). Нарциссов впервые дал периодизацию творчества Моршена, соответствующую трем вышедшим к тому времени книгам стихов поэта, которые были по отдельности охарактеризованы в статье. В «Тюлене» критик выделяет тему природы («описания природы сразу останавливают внимание своей сильной и свежей образностью»), тему «о каком-то нематериальном ощущении в этом очень материальном <...> внешнем мире» и лишь намеченную тему слова (в стихах «мять... слова»). В «Двоеточии» — две основные темы: тема сознания (и связанные с ней вопросы жизни и смерти, памяти и бессмертия) и тема Слова, в котором сознание находит выход из тупика бессмертия: «Тема бессмертия — тема сознания — тема попытки сохранить свое „Я“ через выражение его в слове — вот выход из указанного выше тупика» (с. 139). Именно Слово и есть тот самый «дифференциал», к которому сводится поэзия Моршена, и в последней книге поэта, «Эхе и зеркале», тема Слова «получает сложную разработку» (с. 141).

Таким образом, в своей статье о творчестве Моршена Нарциссов уже не ограничивается беглыми замечаниями (как в беглом отзыве на «Двоеточие», в котором он довольно резок по отношению к Моршену), а вникает в «лабораторию» поэта, что позволяет ему понять (если даже не принять) необычный для поэзии русского зарубежья творческий метод Моршена. Статью «Под знаком дифференциала», конечно, можно было бы отнести к работам литературоведческого, исследовательского, плана, учитывая ее обобщающий характер, однако для Нарциссова творчество Моршена — это еще предмет не столько собственно научного анализа, сколько текущего литературного процесса, критик (именно так называет себя Нарциссов в данной статье) увлечен выстраиванием своего видения «литературного ландшафта» современной русской эмигрантской поэзии; он не только прослеживает внутреннюю эволюцию поэта, но и постоянно сравнивает его с И. Елагиным и И. Чинновым, так что это именно «статья-анализ», стоящая на границе литературной критики и литературоведения.

По выходе «Эха и зеркала» отдельной книгой последовало несколько рецензий. Первым отозвался Юрий Иваск (Русская мысль, 27.12.1979); вторым рецензентом был аноним из журнала «Континент» (1980, № 24). В самом начале своего отзыва анонимный рецензент, как и многие литераторы русского зарубежья, отметил писательскую «скудость» поэта: «Николай Моршен пишет очень мало. Всего третья книга стихов его недавно вышла в Калифорнии» (с. 390). Очень интересно его наблюдение об образе Америки в творчестве Моршена (опять же, не без сравнения — уже с И. Бродским): «...еще одно свойство поэтической личности Моршена — поэта, выросшего в России, но поэтом, русским поэтом, ставшего уже в Америке: во всем его творчестве слиты образы двух великих стран. Это слияние — может быть, у него единственного из русских поэтов за рубе-

жом — совершенно органическое. (В последнее время такая органика начинает проявляться в новых стихах И. Бродского) <...> Образы России и Америки сливаются в один поэтический поток и в исторических аллюзиях, и в пейзаже, и в самом звучании стиха...» (с. 392).

Моршен как автор книги «Эхо и зеркало» выступает в статье «Двуетный» прозаика и критика (менее известного в качестве поэта) «второй волны» Бориса Филиппова (в сб. «Мысли нараспашку», кн. 2, Washington, 1982), который, как и Нарциссов, решил обозреть все творчество поэта. При этом в первом же абзаце статьи Филиппов признается в абсолютной субъективности собственного восприятия Моршени, и ему кажется, что перед ним не один, а два разных поэта: автор «Тюленья» и автор двух последующих книг. Филиппов — четвертый из критиков русского зарубежья, отметивший особенное жизнелюбие Моршени (после Одо-евцевой, Чиннова и Нарциссова): «...автор — не пессимист. Он, напротив, жизнеутверждающ, он отбрасывает нытье „парижской ноты“» (с. 290). Статья Филиппова свидетельствует о складывании литературно-критического топоса в работах о творчестве Моршени; о том, что общее мнение о поэте в среде русской эмиграции уже окончательно сформировалось. Яркое тому подтверждение — следующий автор, написавший третью рецензию (или даже целый разбор) на книгу «Эхо и зеркало» — Ирина Вайль: ее довольно большая статья (на 24 страницы) называется «Николай Моршен и мы, или Ритм и смех (о книге „Эхо и зеркало“» (НЖ, 1986, № 165). Более точное жанровое определение статьи Вайль — эссе, причем довольно многословное, сумбурное, пропитанное восторгами перед совершенством поэзии Моршени, уводящее от собственно Н. Моршени в дебри авторского сознания и подсознания, наполненное лирическими отступлениями и посторонними размышлениями.

В 1996 г. в Калифорнийском университете Беркли Ольгой Раевской-Хьюз была опубликована последняя, как думали многие, книга Моршени — на сей раз не новая «тетрадь», а целое «Собрание стихов» (Modern Russian Literature and Culture Studies and Texts. Vol. 37. Berkeley), куда были включены все три книги стихов, печатавшиеся отдельными «тетрадьями», — «Тюлень», «Двуеточие» и «Эхо и зеркало», а также одна новая «тетрадь» — «Умолкший жаворонок». На «Собрание...» вышло две рецензии: Евгений Витковского, пропагандиста поэзии Моршени в России (НЖ, 1997, № 208), и Анатолия Либермана (НЖ, 1998, № 210). После биографической справки и краткой характеристики поэтики Моршени Е. Витковский обнаруживает в «Эхе и зеркале» «паноптикум жанров: один палиндром, один верлибр, один „моностих“ — один поэтический перевод <...> и т.д., всего „по одному“», а также восхищается «загадочными картинками» некоторых стихотворений Моршени (графическая поэзия), свободой, которая «выдает в Моршене поэта-эмигранта» (с. 325), — и двумя, самыми поразительными, по мнению рецензента, стихотворениями поэта: «Разговор о Елене Келлер» и «Белым по черному при красном свете», — причем «из ста семидесяти с чем-то стихотворений Моршени поразительные — почти все» (с. 326). Оканчивает свою рецензию Витковский скрытыми в строке стихами — поэтическим приношением Моршени.

А. Либерман вершиной творчества Моршена признает книгу «Двоеточие», тогда как в «Эхе и зеркале» его утомляет «выдающееся мастерство», поскольку оно «служит, в основном, самому себе: прием „обнажен“, но нагота не очень соблазнительная»; а «последний сборник [„Умолкший жаворонок“ — А.Г.] тоже частично шутейный, но он более сдержан. В нем Моршен порой возвращается к своим главным темам, и тогда видно, как много ему есть что сказать» (с. 311).

Наконец, в 2000 г. была напечатана последняя книга Моршена «Пуще неволи» (М.: Советский спорт), подготовленная В.В. Агеносовым и основанная на берклейском «Собрании...»; на нее вышло три рецензии: первой стала микро-рецензия Витковского «Лицо перемещенной национальности» (НГ Ex libris, 16.11.2000), второй — рецензия критика Олега Дарка «Ползучие птицы» в электронном издании «Русский Журнал» (29.01.2001), третья наша рецензия наша (НЖ, 2001, № 223). В подзаголовок микро-рецензии Витковского были вынесены слова: «С выходом книги Николая Моршена можно говорить о понятии „всемирной русской поэзии“». Называя Моршена «мамонтом» русского зарубежья, критик сетует на то, что «Моршен запаздывал к русским читателям», но «особой встречи у наших читателей с одним из лучших русских поэтов XX века опять не получится» (тираж всего 500 экз.).

О. Дарк резко не принимает поэзии Моршена. Отмечаемая большинством эмигрантских критиков, начиная с Одоевцевой, жизнерадостность Моршена оказывается, по его мнению, «натужной» и «однообразной». Дарк впервые, по его мнению, прямым текстом «обнародует» мысль о том, что «вторая волна» эмиграции на самом деле эмиграцией и не была, всячески намекая на ее якобы всеобщий коллаборационизм во время Второй мировой войны, однако ни разу не употребляет этого слова. Основной метод «разноса», учиненного Дарком, — вырывание фраз (и даже отдельных слов) из контекста, так что его рецензия граничит с пасквилем.

После смерти Николая Моршена, уже навсегда вырвавшей поэта из текущего литературного процесса, значимых критических работ о его творчестве не появилось — по той простой причине, что оно стало предметом истории литературы, истории русского поэтического языка. Прожив долгую жизнь, пережив, по его словам, «две войны, переворот, // Три голода, четыре смены власти, // Шесть государств», Моршен оказывался в центре внимания критиков нескольких поколений: мэтров «первой волны» эмиграции, т.е. младших представителей серебряного века; сверстников и товарищей по несчастью «второй волны»; критиков метрополии младшего, подпольно-перестроечного, поколения, также критиков «третьей волны», наконец, поэзия Моршена была высоко оценена молодым поколением в России, не говоря уже о том, что его творчество изучается в школе и вузе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Иванов Г.В. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. — М.: Согласие, 1993.
- [2] Урюпина А.С. Необарокко в поэзии русского зарубежья 1960—1980-х годов: Дисс. ... канд. филол. наук. — М.: МГУ, 2006. — С. 32.

- [3] *Агеносов В.В.* Литература Русского зарубежья (1918—1996). — М.: Тера. Спорт, 1998.
- [4] *Толстой И.Н.* В акустическом вакууме: Памяти Николая Моршена // Митин Журнал. — 2002. — № 60. — С. 503.
- [5] *Синкевич В.А.* «...с благодарностью: были». — М.: Советский спорт, 2002.
- [6] *Письма запрещенных людей.* Литература и жизнь эмиграции. 1950—1980-е годы. По материалам архива И.В. Чиннова. Сост. О.Ф. Кузнецова. — М.: ИМЛИ РАН, 2003.

**NIKOLAI MORSHEN'S POETRY
IN THE MIRROR OF RUSSIAN EMIGRANT
AND HOME CRITIQUES IN 1950—2000**

A.I. Grishchenko

The Department of Philology
Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya str., 1, Moscow, Russia, 119992

The article analyses the reception of Nikolai Morshen's poetry by Russian emigrant and home reviewers of several generations (I. Odoevtseva, B. Nartsissov, V. Markov, S. Karlinsky, E. Witkowsky and others) and estimates the part, which in their opinion N. Morshen plays in the literary process of 1950—2000.